

Данияр Каримов

Ядовитый Джо

Цикл фантастических рассказов

18+

Данияр Каримов

Цикл «Ядовитый Джо»

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Каримов Д.

Цикл «Ядовитый Джо» / Д. Каримов — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Дорогой читатель! В цикл «Ядовитый Джо» вошли рассказы, посвященные космической тематике и поиску места человека во Вселенной. Его общий дух созвучен одноименному рассказу, наверняка известному читателям по популярным площадкам. Цикл не предполагает философские диспуты, но легким настроением будет приятен во время отдыха или дороги. Попробуем взглянуть на себя под другим углом, и с удовольствием?

Паразит

Сердитая собака не боится палки.

В треклятом вое туземной псарни слышались вселенский плач и смертная тоска. Вибрато тысяч глоток забивало любые звуки, напоминая о чуждости всего, что бы не встречалось в дважды подлунном мире. Я сделал музыку громче, чтобы хоть как-то заглушить истеричный хор инопланетного зверья, но едва гитарный рев и барабанный бой смолкали, в сознание врывались чужие визгливые ноты. Чертовы собаки, пусть даже псевдо! В любом обличье воют на луну, будто из одной глины слеплены.

Над единственным городом Трампа висели две полные луны. Пара небесных глаз навывкате, немигающих и желтовато-мутных от пыли, заливали бледным светом безликие кривые улочки, заставляя дома со слепыми стенами отбрасывать причудливые тени. Другого освещения здесь не было. Планета жила ночной жизнью в унисон с ее владельцем – расой причудливых существ, которых хомо, и не спрашивайте почему, считают ценными союзниками.

Лично на меня друзья цивилизации наводили дурноту. Было в обитателях Трампа что-то жуткое, чудовищное, пробуждавшее позорную для прогрессивного хомо ксенофобию. Бр-р-р! Прямоходящие инсектоиды, пафосно именующими себя владельцами (за глаза их называли кузнечиками, а то и саранчой), белесые, покрытые тонкой полупрозрачной кожей с фиолетовыми прожилками, с огромными фасеточными полусферами на четверть лица. Им ведь даже оглядываться не приходилось, только головку слегка поворачивать.

Низкая гравитация Трампа одарила туземцев рудиментарными крыльями, тонкими и голубоватыми на просвет, не способными долго удерживать тела в воздухе. Обманчиво хилые владельцы проворно передвигались по горизонтали на нижних конечностях. Верхними, кстати, они управлялись не менее ловко, время от времени напоминая об этом в абордажных боях с каперами – частыми гостями в этих краях.

Каких животных одомашнит такой вид? Можете представить бройлерную помесь многоножки и мастифа? Собаками их окрестили первые контактеры – за треклятый вой лунными ночами и постоянное присутствие рядом с аборигенами. Туземцы ласково именовали братьев меньших иным словом, по смыслу больше подходящим к земной люльке. Почему? О, этим вопросом безуспешно задавался не один ксенолингвист! Мне же было ультрофиолетово. Придерживая одной рукой лязгающие металлом наушники, я трясся в открытом ветру багги, поминная всуе местные власти, запрещающие использовать антигравы и телепорты.

Трамп закрыт для чужих технологий, провести что-то можно только в себе. Хомо, правда, это ничуть не пугало: вид, искушенный киборгонизацией, страшит только безвременье. Поэтому кузнечики, столкнувшись в первые годы контакта с массовым наплывом туристов, алчущих адреналина, теперь придерживались жесткой иммиграционной политики даже в отношении союзников. Одновременно на планете разрешалось находиться не больше трем хомо, и все они – вот так совпадение! – были штатными сотрудниками скудного персонала торгпредства. До ЧП.

Три недели назад владельцы вежливо, но непреклонно попросили покинуть Трамп среднего агента торгпредства. Туземцы оказались неплохо осведомлены о реальном и не вполне гражданском статусе второго хомо в представительском корпусе. Не откликнуться на просьбу крылатых друзей при таких обстоятельствах было бы крайне неприлично, и через каких-то полчаса агент, неприятно ошарашенный стремительностью событий, поднимался на борт челнока, готового к запуску на орбиту. «Черт возьми!» – буркнул он через плечо вместо «До свидания!». А ведь счастливого отзывали домой.

Причина его вполне оправданной экспрессии находилась в это время на противоположном краю планеты в запрещенной для посещений чужаков зоне. Именно там высадился неле-

гал, назвавшийся ксенологом и не скрывавший принадлежность к виду хомо. Нарушитель, как выяснилось очень скоро, слыл непревзойденным экспертом в истории бессистемной экспансии. В его энциклопедической памяти хранились данные из бездонных архивов тех еще времен, когда хомо распыляли семя везде, куда могли дотянуться. Но, как и экспансия, в мозге эксперта информация архивировалась бессистемно, посему объект питал страсть к сумасбродным гипотезам, за что не раз был предан осмеянию в научных кругах.

В рапортах древних звездоплавателей изыскатель отрыл туманные данные о некой цивилизации, обитавшей на планете, похожей на Трамп. Поисковики упоминали ее в связи с развитыми биотехнологиями, интересными человеческому сообществу. Однако экспедиция, посланная для изучения перспективного мира, даже не рискнула спуститься с орбиты. На планете свирепствовала неизвестная болезнь, приведшая к массовому вымиранию практически всей фауны.

Охотник за секретами мироздания убедил себя, что чумной мир и есть Трамп, только аборигены по какой-то причине начали историю с чистого листа. Биотехнологии им сохранить удалось, но о пандемии ни-ни, что явно неспроста. Не прихвати ведь ради планета закрыта для посещений. Что за рыбку прячут туземцы в мутной водиче темного прошлого?

Азарт стоило бы отнести к опаснейшим эволюционным дефектам. Вы можете со мной не согласиться, но... Вне зависимости от того, где он проявляется – с игральными костями или с удочкой в руках, азарт легко овладевает слабым сознанием, а у особо впечатлительных натур способен вызвать идефикс. Горе-ксенолог, судя по всему, страдал им в тяжелой форме и потому, наверное, выбрал для поисков истины ландшафт суровый: горный, холодный и дикий. Так что к месту высадки отчаянного нелегала поисковый отряд владетелей добрался только через несколько часов.

Сам хомо исчез и, скорее всего, был мертв. На запросы не откликался ни один нейроимплантат, а ксенолог перед экспедицией набил ими голову, как мешок. На иной планете списали бы все на несчастный случай, что, увы, во внесемелье не было редкостью. Но туземная саранча славилась формализмом, возведенным в абсолют. Пока тело хомо не найдено, гипотетически допускалась возможность, что чужак где-то топчет поверхность планеты вопреки запретам и букве закона. Непорядок!

– Будет конфуз, – пророчески пропыхтел сигарой глава торгпредства, справив ее антис-трессовым бокалом раритетного коньячка.

Ксенолог перед полетом застраховал жизнь и ему вместе с полисом всучили очередную ультрамодную штучку: браслет экстренного т-прыжка с автонастройкой на ближайший стационарный телепорт. Подобные вещи легко продаются под истории о счастливом спасении из-под трамвая – в любых его формах и проявлениях. Я лично слышал байку, как однажды во время официального приема в посольстве на Ригеле-IX материализовался хомо, которого в подвале соседнего здания вот-вот должен был прикончить местный мафиозо. Бедолагу с перепугу пристрелила охрана.

Правда в том, что большинство нажать на кнопку не успевало. Не отличался скоростью реакции и нелегал. Его браслет фонил запрещенной на Трампе технологией где-то в зоне высадки, ожидая, когда его подберет какой-нибудь глазастый следопыт. Владетели, похоже, подозревали, что ксенолог был с сюрпризом и, возможно, именно это послужило поводом для неожиданного звонка от чиновника из местной поисковой службы. После недолгих протокольных расшаркиваний с «глубокоуважаемыми и прогрессивными представителями опытной цивилизации», абонент назначил встречу.

– Крылатики взбесятся, если обнаружат браслет, – флегматично пыхнул сигарой глава торгпредства.

Крылатики! Хомо-мать! Я давно подозревал, что за годы пребывания на Трампе (а старикан тут едва ли не с основания торгпредства) он давно сбрендил. Или сконьячился. Но

свое мнение оставил при себе, как и следовало младшему агенту, попавшему на Трампа скорее вопреки, чем благодаря, всего-то месяц назад. Дернул черт польститься на соцпакет внешторга, втюхивать туристам брелоки из импактита на Луне было куда лучше.

Городское движение было броуновским. Никакое другое описание к нему просто не подходило. С геометрией на Трампе не дружили, поэтому улиц в понимании хомо здесь не было. Их заменяли кривые, небрежно мощенные проезды между хаотично наклепанными цилиндрами зданий. По разбитой мостовой растекались широко пестрые ручейки прохожих в тогах разных профессий и сословий, торговые тележки, груженные снедью, биомеханоиды всевозможных форм и расцветок, заменявших владельцам транспорт. Сверхчувствительные контактные линзы позволяли видеть окружающее как днем, но, полагаю, фасеточные глаза обитателей Трампа передавали переливание красок более полно.

Я отсалютовал натужно летящему мимо гигантскому гибриду черепахи с жуком. В полном прозрачном брюшке, едва не задевающим дорожный камень, покачивались кузнечики в серых тогах стойкости. Недалеко от аккуратного купола торгпредства размещалась какая-то военизированная структура. Постные морды аборигенов были обращены в сторону от меня. Всякий пришелец на механической тарантайке был в этом муравейнике лишним.

Ехать приходилось крайне осторожно, чтобы не сбить не к месту задумавшегося пешехода и разминуться с летящим на автопилоте биомеханоидом, но к назначенному времени я успевал. До места встречи оставалось несколько кварталов, когда на дорогу перед багги выскочил туземный пес рыжего окраса. За псиной под колеса бесстрашно неся тощий абориген в темно-зеленой тоге ловкости, отчаянно размахивая цепью, пытаясь то ли сбить зверя с ног, то ли заарканить. На дороге камикадзе не смотрел. Я ударил по тормозам и вывернул руль. Багги бросило в сторону и перевернуло. Транспорт со скрежетом и искрами протащило несколько метров по мостовой.

Стальные трубы, венчающие кабину, выдержали удар, обеспечив безопасный просвет между моей макушкой и булыжниками. Я цел и невредим висел вниз головой на ремне безопасности, намертво вцепившись в баранку. Наушники слетели, но в ушах громко выстукивало морзянку сердце.

Передо мной возникла отвратительно склизкая и пахнущая сыростью туша с ошейником вокруг подбоя шеи.

– Мэолчи, – выдохнула она мне в лицо. Две фасеточные сферы глаз, казалось, источают жалость и, одновременно, нетерпение.

– Что? – вскрикнул я – больше от неожиданности, чем от изумления. Псина будто пыталась что-то сказать, минуя автопереводчик, имплантированный в мочку уха. Молчи? Ведь так?! Немыслимо!

– Мэолчи, – требовательно повторил пес и прижался ко мне. Мое лицо уткнулось в пучок щелкающих члениками лапок. Подавив рвотный позыв, я отвернулся и увидел тощие ноги владельца, торчащие из-под подола тоги. Потом они сложились и в поле зрения появилась бледная невыразительная физиономия с огромными полусферами глаз. Кузнечик выстрелил очередью раздраженных щелчков, которые переводчик расшифровал, как крайне грубое ругательство, и накинул цепь на собаку.

– Мэолчи, – чуть слышно просипела многоножка и высунула язык. Зверь коснулся уха, кольнув мочку чем-то холодным и твердым.

– Запрос обновления, – неожиданно пискнул имплантат. – Разрешить?

Цепь, тянувшаяся к ошейнику, тревожно натянулась. Потом туземец рванул за «поводок» и туша отвалилась от меня, перевернулась на спину и беспомощно засучила лапками. На камень подо мной упал с тихим звоном крохотный кристалл памяти.

– Запрос отменен, – меланхолично доложил имплантат.

– Давай, родимый! – Владелец рывком выволок пса из-под багги и, не давая ему залиться лаем, наградил пинком. Пес взвизгнул. Абориген потащил его в сторону. К моей персоне он был стоически равнодушен.

Я освободился от ремня, плюхнулся на мостовую, положил кристалл в карман и выполз на четвереньках на свободное пространство. К перевернутой машине спускалась спасательная платформа в виде сплюсненной стрекозы. Вой, стоявший над городом, подозрительно стих.

Поверив на слово, что со мной все в порядке, спасатели обидно быстро потеряли ко мне интерес. Эвакуация машины с улицы им казалась важнее судьбы пришельца. Предоставленный самому себе, я отряхнулся и, заинтригованный происходящим, приложил кристалл к моче уха. Имплантат вновь пискнул, сообщая об обнаружении базы обновлений. Пару секунд я колебался, а потом разрешил перенос данных с кристалла. Через несколько мгновений имплантат заверил, что в его арсенале появился новый язык, происхождение которого чип определить затруднялся.

Аккуратно спрятав кристалл во внутренний карман, я отложил решение загадки на потом.

Визави назначил randevu в VIP-ложе городского колизея – самого, пожалуй, популярного места отдыха владельцев. Он, несомненно, хотел подчеркнуть свой статус, вряд ли предполагая, какое впечатление окажет на самом деле. Развлекались туземцы варварски, стравливая своих же соплеменников, признанных умственно отсталыми или помешанными. Кузнечики с удовольствием наблюдали, как бедолаги на арене рвут друг друга в клочья.

Над площадью перед колизеем стоял стрекот, словно город превратился в ночной луг, облюбованный мириадами цикад. Пространство перед центральным входом кишело публикой, страстно желающей заполнить трибуны. Где-то слышалась перебранка, над толпой то тут, то там взмывал нетерпеливый кузнечик, которого сразу же хватали за ноги, заставляя опуститься. Я искренне возрадовался, что в кармане комбинезона отливало люминесцентной краской особое приглашение. Оно давало право попасть внутрь через боковой вход, минуя давку.

VIP-ложа отделялась от кругового прохода тяжелой плотной занавесью в пол. Море ее спокойствия охраняли два владельца в красных тогах решимости. В отдалении я заметил еще пару в желтых тогах внимания.

Моего явления ждал тучный абориген, буквально колыхающийся под радужной тогой власти. Он выдавал подобие улыбки, чему, наверняка, обучился специально, чтобы произвести эффект на пришельца. С мимикой у владельцев было туговато.

– Вы пунктуальны, и это прекрасно! – переводчик припудрил его стрекотание понятными человеку эмоциями.

– Благодарю, – радушно ответил я. – Вы сообщили, что располагаете информацией о пропавшем хомо.

– Он найден, – чиновник раздраженно раскрыл крылья. – Хотя, наверное, точнее сказать, найдено то, что от него осталось. Тут все, что удалось... собрать.

Визави указал на пластиковый мешок, лежащий на столике рядом с входом в ложу. Изнутри он был заляпан бурыми пятнами.

– Где его нашли? – спросил я. Собеседник изучающе смотрел на меня пару секунд, видимо пытаясь понять, почему хомо одушевляет ошметки, после чего отвернулся к арене.

– Я бы предпочел вернуться к разговору о вашем... гм-м... сородиче позже, поскольку время уже не играет роли в его судьбе. Располагайтесь и наслаждайтесь зрелищем на арене. Я слышал, что у хомо было что-то подобное. У любой материи есть изнанка. Сделаете ставку?

– Пожалуй, нет, – сказал я.

– Ха-ха, – сказал владелец, натягивая улыбку. – На кого ставить, если в этой игре никогда не бывает фаворитов? Участь любого участника печальна. Не так ли? Вы не любите риск!

– А вы?

– О, я не прочь подергать удачу за хвост! По нашим поверьям, она предстает перед счастливым в образе собаки. Правда, мой хороший? – собеседник потрепал пса, возлежащего у ног. Тот заурчал, продолжая внимательно пялиться на меня.

– Не здесь, тупица, – неожиданно прошелестел переводчик другим голосом.

– Что, простите? – опешил я, еще не понимая, что имплантат перевел не владельца.

– Мы ассоциируем удачу с образом собаки, – повторил инсектоид.

– Чуть ниже, чуть ниже, – зажурчал фоном второй голос. – Да, да, так!

– Ваша любовь к домашним животным трогательна, – туманно ответил я.

– Мы ценим надежность, ведь ее так мало в мире, – туземец, не замечая моего замешательства, гладил пса, тот довольно урчал. Переводчик заходил в истоме от невидимого обладателя второго голоса. На арену вытаскивали первых гладиаторов. Я молчал, размышляя, почему абориген тянет резину, но не успел сформировать хотя бы одну правдоподобную гипотезу, как в ложу вошел еще один в блеклой тоге служения и, почтительно склонившись перед моим визави, что-то зашептал.

– Вот как! – воскликнул тот, поднялся и обратился ко мне. – Прошу прощения. Мне необходимо покинуть вас на несколько минут. Дело чрезвычайной важности.

Чиновник удивительно легко для своей комплекции скользнул за тяжелую занавесь. Я коснулся ее края, чтобы глянуть, куда он направился. Пес, до того момента мирно возлежавший, пришел в движение и утробно зарычал, заставив замереть.

– Сидеть, не то прикушу!

Интригующий поворот.

Зря ты сюда сунулся, чужак, – рывкнул пес. Так, по крайней мере, истолковал его переводчик.

– Чья бы собака рычала, – съязвил я. Имплантат-переводчик, уже пустивший тонкие отростки в гортани, помогал изрыгать звуки, схожие с лаем. В горле с непривычки саднило.

– Убирайся отсюда, чужак! – Пес подскочил и зло щелкнул челюстями. – Не медли, пока я не передумал.

– С какой стати тут командует пес? – ощерился я. Волосы на загривке поднимались дыбом.

– Убирайся! – сорвался на лай инопланетный цербер. – Проклятый чужак! Разорву! Загрызу!

Он, несомненно, готовился обложить меня как как следует, но в ложу не вовремя вернулся хозяин, шикнул, и пес, заткнувшись, покорно улегся у кресла.

– Мне слышалось или вы перелаивались с моим питомцем? – Владелец криво улыбался.

– С детства не доводилось дразнить собаку, – я вежливо улыбнулся в ответ. – Забытое ощущение.

– Забавно-забавно, – сказал владелец и нанес мне быстрый и точный удар в голову.

Включился я уже в горизонтальном положении, даже не удивляясь смене интерьера и месторасположения. Просторная ложа сжалась до размеров металлической клетки – тесной и низкой, под прямоходящих не приспособленной. Покрытые бурными пятнами доски, служившие полом, источали миазмы сырости и гниения, усиливая тошноту, с которой я пытался справиться. Меня мутило.

Рядом, насколько позволял обзор, я разглядел еще несколько клеток. Из соседней смотрел с укоризной пес, бросившийся под колеса багги. Я узнал его по ошейнику и окрасу. В клетке напротив скрючилась собака с короткой серой шерсткой. Ножки животного медленно двигались, словно увязнув в тягучей и липкой субстанции. В животе, почти лишенном курчавого покрова, чернела дыра, в которой копошился крупный толстый червь. Паразит жадно выедал живое еще существо изнутри.

Когда, наконец, мозг вернул себе способность соображать, я заметил, что рыжий пес продолжает внимательно смотреть на меня.

– Очухался? – участливо спросил он.

– Что тут, черт возьми, происходит?

– Геноцид, – заверил пес. – Определенно геноцид.

– Потрясающе, – выдал я.

– Ты поймешь, – пообещал пес и уставился мне в глаза. – Внимай!

В детстве отец взял меня на выступление известного экстрасенса. Тот читал мысли, погружал зрителей в гипноз целыми группами и выполнял перед залом еще не менее дюжины удивительных трюков, которые называл проявлением телепатии. Шоу производило впечатление, но сейчас я точно знал, что экстрасенс мошенничал. Он ни капли не владел телепатией.

Я был одновременно собой и представителем чуждого вида, но это нисколько не вывело из равновесия и даже не взволновало вздремнувшую ксенофобию. Мной овладело удивительное спокойствие. Я принял как данность способность выгибать дугой длинную спинку и не путаться в одновременном движении множества двигательных и специальных конечностей, различать миллионы удивительных запахов и видеть в инфракрасном диапазоне. Несовершенные руки хомо покоились на коленях, но тысячи удивительно гибких, ловких и сильных конечностей несли по разным горным тропам – незримым человеческому глазу, но фасеточным блюдцам приметным.

Раса, некогда владевшая Трампом, дробилась на миллионы разрозненных стай, в каждой из которых насчитывалось от тысячи примитивных особей, обладающими способностями к телепатической связи с представителями своего вида. Будучи лишенными связи с родным сообществом, отдельные особи вели животный образ жизни, однако возвращаясь в ментальные сети сородичей, формировали коллективный разум, обладающий самосознанием. Стаи жестко конкурировали друг с другом за идеи, жизненное пространство, ресурсы и виды на будущее. С одной из них я контактировал сейчас посредством пса.

Во время последнего внутривидового конфликта одна из противоборствующих сторон применила против противника новейшую и еще не прошедшую полевого испытания разработку – некое биологическое оружие, против которого ни у кого на планете еще не было защиты. Хмара – так называли себя прайды туземных собак, обладавших коллективным мышлением и самосознанием – забрасывали друг друга личинками искусственно выведенного паразита, причем так яростно, что планета пала под его натиском в течение считанных недель. В отдаленных и малонаселенных провинциях непораженные зоны сохранялись чуть дольше, но существенной роли это уже не играло. Прежняя цивилизация умерла, и на ее разлагающемся трупе зарождалась новая. Хмара хорошо помнил этот процесс.

В воздухе трепетно дрожала лиловая взвесь спор, сброшенных с далекого склона влюбленными деревьями весеннего леска. Тысячи усиков ощупывали следы и знаки предшественников, оставляя на грунте свои вешки. Я-человек с удивлением взирал на яркое марево с разных углов и точек, но я-хмара-один-во-множестве не обращал на него внимания и очень спешил. Мои частицы торопились забиться в бункер, чтобы не подвергнуться заражению, которое несла в себе буря.

Неестественно черный атмосферный фронт бесновался молниями у линии горизонта. Мне-хмара не требовалось оглядываться, чтобы видеть, как позади неумолимо поднимается темная стена, я-хомо понимал, что в другой множественной ипостаси способен разглядеть составляющие колоссального грозового вала. Землю покрывала растущая тень чудовищного полчища крылатых тварей, проклятие врага и его адово возмездие. Мириады существ, которых я-хомо знал, как владетелей, зачищали планету, не давая ни шанса живым существам крупнее белки.

Чужак забаррикадировался в бункере, отсекая от себя тысячи здоровых частей только потому, что они оказались слишком далеко от убежища. Они обрекались на верную и страшную смерть, каждую из которых я-множество переживал как я-индивидуум. Хмара уцелел, но паразит принес ему чудовищные страдания, заставляя чувствовать, как медленно и мучительно умирает каждая пораженная часть, разрушаются уникальные связи и рассыпаются ментальные сети, из общей памяти грубо вырываются пласты накопленных воспоминаний и опыта, переживаний и черт личности.

Заражение задело чужака вскользь, но обрекло на долгие годы сначала летаргического сна, а затем частичной амнезии и полуживотного состояния в штольнях и шахтах забытого богом убежища на краю некогда огромного цветущего мира. Мира, который хомо именовали Трампом, но называемый вовсе не так. Мира, который принадлежал не его теперешним владетелям, а хмара.

Прямоходящие инсектоиды паразитировали на виде, к которому принадлежал несчастный пес (который, собственно, и псом-то не являлся), около четырехсот лет. Саранча не подозревала, что была, фактически, продуктом военных технологий, орудием судного дня существ, которых даже не воспринимала как равных или разумных. Причиной странной слепоты служило не отсутствие, как такового, желания познать окружающий мир. Какой паразит глубоко задается вопросами мироздания? Дело было, скорее, в разнице координат.

Саранча воспринимала предтечей как подарок эволюции, выносливых симбионтов, животных-носителей, предназначенных для вынашивания ее потомства. Тайна появления на Трампе новой господствующей расы, возможно, и осталась бы таковой, если бы не тот самый нелегал. В докладах звездоплывателей, раздобытых им, упоминались не только координаты Трампа. Горе-ксенолог обнаружил толковый словарь основных наречий планеты. Со стрекотанием кузнечиков, разумеется, он не имел ничего общего.

Ксенолог сложил известные ему данные в общую, но, в целом, верную картину и каким-то образом догадался об искусственной природе владетелей (большинству ученых было известно лишь то, что инсектоиды – гермафродиты, но никто и никогда не видел их детенышей). Он выбрал для посадки закрытую зону, в которой надеялся отыскать следы предтечей. Хомо, наверняка, был крайне удивлен, наткнувшись на чудом уцелевшего хмара. Впрочем, открытие уже не принесло исследователю ни прижизненной славы, ни почета. Паразиты в конечном счете нашли и человека, и обнаруженный им «дикий» прайд. Часть многоножек удалось отловить и добычу поделили между влиятельными владетелями. Однако остальным удалось просочиться между загонщиками, прихватив размноженные хомо кристаллы переводчика. Сам ксенолог погиб, прикрывая бегство брата по разуму.

Коллективный разум способен жертвовать отдельными особями без заметного ущерба, но если число «нейронов» сокращается резко, умственные способности значительно снижаются. В свое время это привело к легкой победе паразита над предтечами. Ему просто практически не оказывали сопротивления. Но найденный в горах прайд уже переживал лоботомию несколько сотен лет назад, и повторная операция хоть и принесла чудовищную боль, не повредила рассудок. Искусно спланировать действия хмара, конечно, не смог, но с основной задачей справился. Один из кристаллов попал в город и был передан соплеменнику хомо.

Закончив телепатический сеанс, «пес»-хмара обессилено опустился на дно клетки. Передача такого количества данных напрямую из мозга в мозг, да еще и представителю другого вида, наверняка, требовала колоссальной энергии, но источник последней был не бесконечен.

– От лица моего и других хмара, чье существование во вселенной поставлено под угрозу исчезновения, прошу помощи у хомо, – прошептал рыжий хмара. – Считай это официальным заявлением.

Со стороны монолог несчастного казался жалостливым скулежом.

– Прекрати истерику, животное, – услышал я неожиданно со стороны. У входа в помещение, служащее темницей, возник черный спутник моего давешнего визави. Он неспешно засеменил к клетки с переговорщиком. – Ты вводишь чужака в заблуждение.

– Ненавижу, – просипел тот, пытаясь подняться. Эмоции словно накачивали его силой.

– Ты видишь, чужак? – обратился ко мне черный хмара. – Бедненькая жертва? Ха-ха! Но имя ей ложь! Не этот ли хмара когда-то вывел паразита? Он так и не понял, что представляет собой этот удивительный организм.

– Не перекладывай на меня ответственность, – вдруг устало, будто возвращаясь к давнему и порядком надоевшему спору, сказал рыжий.

– Вздор! – Рывкнул черный. – Если бы не ты, мир наслаждался единением. Мы стали бы одним целым, бросив вызов сути времени и пространства.

– Нет-нет-нет! – залаял переговорщик. – Мы бы стали тобой, частью твоей личности.

– Не моей, планетарной, – поправил черный, но оппонент его не слышал.

– Ты поглотил всех, кто был мне знаком или был рядом с пробуждения. Паразит должен был остановить тебя! Ты заслуживал смерти!

– Смерти? – Черный выгнул спину и поднял большую часть тушки вертикально, опираясь на конечности нижних сегментов. Переводчик выдал серию смешков. – Паразит поклоняется мне, любит, лелеет, защищает от любых угроз. Мне не нужно заботиться о пище и крове, я всегда сыт и в тепле.

– Ты выкармливаешь личинки в брюхе.

– Это не цена, – отмахнулся пес. – Боже мой! Я стимулировал половые инстинкты частиц и легко покрываю потребность в носителях. Легко и с удовольствием!

Он широко развел в стороны конечности, их кончики легко дрожали.

– Я научился дублировать сети и теперь ничто не угрожает моей личности. Ты исчезнешь, как только паразит отложит личинку на последнюю из твоих частиц, а я – будущее расы! Симбиоз дал мне могущество. Мои частицы рассыпаны по планете и ближнему космосу, позволяя находиться везде, получать колоссальный опыт, которого нет у тебя, мой близорукий друг. Я, а не ты, стал богом, вечен и купаюсь в удовольствии! Паразит выполняет все, что я внушаю.

– Подлец! – взвизгнул рыжий. Черный хмара, не удостоив того ответом, извернулся ко мне.

– Тебе, наверное, небезынтересно узнать, что именно наш параноидный товарищ вывел идеального, абсолютного паразита. Абсолютный паразит должен обладать интеллектом, иначе какой к блохам абсолют? Настоящее произведение в области военных биотехнологий! Производство, которое едва не уколошило творца, и выкосила всех, включая несогласных. А я нашел способ взаимовыгодного сосуществования. Паразитом легко манипулировать.

– Боюсь, я не совсем понимаю, – сказал я и потряс прутья клетки. Они чуть пружинили, но расшатать их, да еще пребывая на четвереньках, казалось нереально. Без помощи извне, пожалуй, не выбраться. Лукавый впутал совершенно случайного хомо в борьбу разных видов и способов жизни. Но я, впрочем, вполне уяснил, что на особях, которых все принимают за туземных собак, паразитируют одновременно две расы – хмара и владельцы, а в ряде случаев – их симбионт. Ни одна из сторон не вызывала сопереживания или сочувствия.

Воцарилась неловкая пауза. Оба спорщика с недоумением буравили меня глазками.

– Твой браслет, – наконец нарушил молчание рыжий.

– Властители запрещают нам использовать подобное оборудование, – я оголил запястье. – Ксенолог не сказал?

– Ха-ха, – сначала неуверенно, а потом во весь голос залился веселым лаем черный. – Ха-ха-ха! А я-то думаю, к чему мы изливаем патетику! Что за наивность? Браслет бы сняли в первую очередь. Хомо не уйти. Ни в коем случае. Я никому не позволю раскрыть наш секрет. Он получит червя в брюхо.

– Ах ты, шавка! – просунув руки сквозь прутья, я схватил черного хмара, неосторожно склонившемуся в мою сторону. – Выпусти меня!

Хмара вывернулся и, вцепившись в протянутые руки, дернул на себя, приложив меня лбом о решетку. Хрустнул и сместился нос, из глаз брызнули искры и слезы. Получив второй за считанные часы нокаут, я потерял ориентацию во времени и пространстве, и какое-то время болтался в вязкой и физически ощущаемой темноте, стягивающей свои щупальца вокруг добычи все тесней. Потом кокон лопнул и начал испаряться, оставляя на коже ощущение холода. Вернулись звуки.

– ...Естественный отбор, представляете? – донесся сквозь вату стрекот владельца, кажущийся знакомым. Пелена таяла, складываясь в тучную фигуру давешнего визави. – Странные существа. Это второй случай контакта. Признаться, не удивлен. Я предупреждал, что хомо нельзя доверять. Полагаю, стоит предпринять меры.

Он с кем-то перешелкивался по коммуникатору. Не прерывая разговора, инсектоид подошел к клетки с умирающей собакой, ласково провел по ее шкуре ладонью.

– Убийца! – завыл рыжий хмара. – Проклятый убийца!

Владелец, не обращая внимания, повернулся ко мне.

– Обязательно доложу по результатам, – уверил он незримого собеседника и спрятал коммуникатор в складках сиреновой тоги нетерпения.

– Немедленно выпустите меня, – жестко потребовал я. – Нападение на хомо неминуемо и жестко карается.

Паразит приблизил к клетки лицо, позволив разглядеть, как дробится мое отражение в фасеточных глазах. Я инстинктивно положил руку на манжет комбинезона.

– Ах, как бы вам сейчас это пригодилось! – владелец отстранился и победно помахал перед моим носом браслетом экстренного прыжка. Прибор, снятый с трупа несчастного ксенолога, казался целым. – Скажу больше. Помещение надежно закрыто от земных технологий. Мои возможности покажутся вам архаичными, но уверяю вас, они эффективны.

– Как червь? – уточнил я.

– Червь? – гневно защелкал он. – Да как вы смеете оскорбл*ть мое потомство! Это личинка, вызревающая в законном симбионте!

– Убийца! – изводился лаем рыжий «пес».

– Может начистоту? – паразит, не глядя, ударил по решетке с бесновавшимся хмара. – Ксенолог был агентом? Вы готовите вторжение? Почему вы решили уничтожить нас? За что?! Отвечайте!

– Выпустите меня, – твердо сказал я.

– Хомо иногда бывают необъяснимо упрямы, – покачал головой паразит. – Я вообще сомневаюсь в разумности вашего вида. Слепое следование принципам, бескомпромиссность, узколобость, суицидальность, наконец. Все это признаки генетической ущербности. Где-то природа дала сбой, дав шанс подняться никчемному созданию. Но, полагаю, она же ошибку исправит. В вашем случае, очень быстро.

– Из вас получился бы плохой парламентар, – сказал я.

– Поэтому я на своем месте, – ответил он. – Вы не будете отвечать на мои вопросы? Что ж... Вынуждаете...

Паразит обратил лицо вверх.

– Высев, – прошептал черный хмара и попятился к выходу. Владелец застонал. Голос его источал негу. Руки медленно и неуверенно, словно уже не он сам, а кто-то иной, дергающий за невидимые нити, был им хозяином, потянули полу тоги, обнажая брюхо. На животе извивались, переливаясь бесцветными сегментами, червеобразные образования. Каждое, как я понял, было личинкой. Рыжий хмара отчаянно завизжал, пытаясь вжаться в дальний край клетки.

– Помогите! – завопил рыжий. – Помогите же!

Самая крупная личинка с чваканьем оторвалась под своим весом и упала. Из отверстия в брюхе владетеля, образовавшегося после разделения с личинкой, нехотя потекла вязкая белесая жидкость. Ударившись об пол, личинка свернулась, но потом уверенно поползла к клетке с рыжим хмара. Рядом свалилась вторая, третья, посыпались следующие.

– Черт поberi! – закричал уже я. – Нельзя поступать с разумными существами так омерзительно.

Владелец продолжал стоять, расставив широко ноги и задрал голову. Он пребывал в трансе. Конечности паразита судорожно подергивались, но не отпускали тогу. Личинки ползли по прутьям, сыпались сверху. Рыжий «пес» катался по клетке, я остервенело хлопал по открытым участкам кожи, чувствуя, как под ладонями брызжут, лопааясь, мелкие чудовища, называемые кузнечиком потомством. Воздух густел дурманящим сладковатым запахом переспелой дыни.

– Не дай пиявкам вцепиться, – пролаял рыжий хмара. С предупреждением он припоздал. Одна из личинок вскрыла кожу на запястье и опустила в надрез головной сегмент. Как только ферменты паразита попали в мою кровь, остальные личинки потеряли ко мне интерес, а я потерял интерес к жизни.

Все прежнее теперь казалось несущественным и пепельно серым, а сущее слишком громким и медленным, некомфортно большим и вульгарно ярким. Тело налилось неимоверной тяжестью, став громоздким и податливым, как желе. Очертания окружающих предметов колыхались в чернильном мареве. Кожа, словно облитая кислотой, пузырилась и шипела, открывая мышцы, мягкие ткани, розовые кости. Потом оголенных нервных окончаний коснулось что-то обжигающе холодное, липкие щупальца жадно нащупали бьющиеся в истерике вены, материализовавшийся в сознании мрак лизнул кровь, а потом потянулся, подчиняясь движению тока, к внутренним органам, сердцу и мозгу.

Частица мрака невесомым дымным колечком проникла в черепную коробку, с каждым миготанием становясь все более осязаемой, выбрасывая кляксы метастаз. Нечто противное, бесхребетное и источающее ядовитую слизь забралось в голову и копошилось внутри, бесцеремонно перебирая воспоминания и со скукой отбрасывая их в сторону, будто хлам. Оно шевелило моими пальцами и губами, скребло ногтями по камню пола, пряталось за роговицей, чтобы смотреть на мир моими глазами. Я больше не принадлежал себе и, растворяясь в кошмаре, который креп и рос вместе с моим ужасом, закричал.

Вопль, в который я вложил всю душу, вернул в реальность. Она плыла и казалась параллельной, но что-то подсказывало: вот истинная. Плечи вместо головы венчал треснутый глиняный горшок, и пара осколков, выпавших из него, кололи ладони. Во рту чувствовался металлический привкус, а воздух отдавал чем-то прелым и был густым, как слизь, забившая нос и мешавшая дышать.

В ноздре что-то шевелилось, выбираясь наружу. Холодея от омерзения, я нащупал кончик инородного тела и потянул, ощущая, как оно извивается, будто ей не менее противен контакт. Это что-то оказалось личинкой, стремившейся покинуть мое тело в гнойном сгустке белых кровавых телец. Метаболизм хомо оказался для чужого паразита отравой. Червеобразная тварь еще шевелилась, когда я разможил ее кулаком, привлекая внимание владетеля, замершего у клетки с рыжим хмара.

– Любопытно, – прошипел инсектоид и шагнул было ко мне.

– Времени мало, скоро личинка перехватит управление моей нервной системы, – вдруг проскулил рыжий хмара. К его холке прилипла личинка и толчками проникала вглубь. Черный лежал у входа в помещение. Его лапки конвульсивно подергивались.

– Мой хороший, – просюсюкал паразит, остановившись. Тога на нем болталась, как на вешалке. – Потерпи, и боль пройдет. Тебе оказана честь выносить мою малютку.

– Отвратительное зрелище, – подал голос я. – Паразит, уничтожающий создателя.

– Отвратительны здесь только вы, – парировал владетель. – Моя раса существует благодаря собакам. В других существах наши личинки не вызревают в разумные особи. Поэтому мы приручили и разводим наших красавиц. Наша связь неразделима!

– Вы преступник! Вы паразитируете на разумном виде!

– Какая чушь! – Паразит открыл клеть с рыжим хмара и поманил наружу. «Пес» послушно вышел и заискивающе потерся о хозяйскую руку. В хитиновом панцире темнела дыра.

– Вам еще нужны доказательства? – спросил владетель, но самоуверенность никогда не заканчивается чем-то хорошим. Многоножка, ласкавшаяся у ног, вдруг вцепилась в горло, припечатав затылком к моей клетке. Тот пытался отодрать от себя пса, но сил было недостаточно, и паразит стал медленно оседать.

– Забери браслет, – прорычал, не ослабляя хватки, рыжий хмара. – В тоге!

Я просунул руки между прутьями и принялся шарить в складках одежды, боковым зрением отмечая, как в нескольких метрах от арены маленькой, но судьбоносной битвы неуверенно встает, пошатываясь, черный хмара. Руки все еще оставались липкими от раздавленных личинок, и ткань, пропитанная сукровицей, клеилась к ладоням. Черный хмара почти доплелся до моей клетки, когда браслет наконец оказался в руках.

– Прощай, хомо, – процедил, не разжимая челюстей, рыжий хмара. – Спаси нас!

– Не слушай его, – хрипел черный. – Я истинный владетель этой планеты! Запрещаю тебе разглашение полученной информации!

– Негуманно! – сипел паразит. – Преступно!

– Заткнись уже, – рыкнул рыжий хмара и перекусил ему горло. Я ударил по кнопке браслета и провалился в великое нечто, чтобы неожиданно для самого себя выпасть из т-приемника в кабинете шефа, перепугав увязшего в бумажной работе старика. Не знал, что старик прячет у себя запрещенное оборудование.

– Охренеть, – сказал он. Его экспрессия была мне понятна. Мне о нелегальном т-приемнике было знать не положено.

– Не то слово, шеф, – сказал я, стирая с лица кровь владетеля. – Нам необходимо экстренно эвакуироваться.

Старик, не говоря ни слова, совершил неприметные манипуляции с поверхностью стола, и я не без облегчения отметил, что цивилизация хомо не любит играть с чужаками без козырей в рукаве. Как еще назвать секретный ангар на одной из лун Трампа с всегда открытым т-приемником и готовым к прыжку кораблем? Энергии эта крапленая карта, должно быть, жрет не меньше крейсера.

Менее часа спустя доклад о инциденте слушал в подробностях лично глава внешторга. Специально для нас выделили защищенную линию. Властный и статусный мужчина неопределенного возраста и почти безграничных полномочий задумчиво стучал костяшками пальцев по глянцевой поверхности рабочего стола по ту сторону дисплея. Альфа-руководитель был много старше меня и моего непосредственного начальника, но имел возможность пережить каждого еще, по крайней мере, дважды. Деньги, судари, открывают доступ к любым технологиям.

Все время рассказа небожитель глядел куда-то сквозь меня, явственно демонстрируя, кто из нас владетель, а кто – едва ли носитель. Однако к финалу его взгляд сфокусировался на мне.

– Ваш вывод? – спросил он.

– Вопрос требует дополнительного исследования, – замялся я.

– Ваш? – он перевел взгляд на старика.

– Предварительный анализ показывает выгоды и издержки в обоих вариантах, – вздохнул тот. – Биотехнологии Трампа представляют для нас большой интерес.

– Достаточно, – перебил небожитель. – Сохраняем статус кво.

– Но почему? – вырвалось у меня. – Владетели паразитируют на разумных существах.

Он грустно улыбнулся, на миг позволив сосчитать прожитые годы в выцветших глазах.
– Это так по-человечески.

Ядовитый Джо

Цивилизация – яд человечества.

Человек упал, хватая ртом воздух. Старенький скафандр, в который он был облачен, не успевал обогащать дыхательную смесь кислородом. Но человек нашел в себе силы подняться, чтобы шагнуть в расщелину.

Из голубоватого тумана, смыкавшегося позади, донесся глухой рык. Человек затравленно оглянулся. Дымка выпустила хищный силуэт преследователя. Зверь остановился и повернул к человеку жуткую безглазую морду. Дыхательные отверстия на безобразном черепе затрепетали. Человек попятился и через пару шагов уперся в твердь скалы. Хищник оскалился и, понимая, что бежать добыче некуда, неторопливо двинулся к нему, остановился в полуметре и вновь зарычал, глухо, утробно. Человек выставил перед собой руки, будто все еще надеялся защититься, и зажмурился...

Он так же жмурился несколько часов назад, когда кораблик, облетев планету, пошел на спуск. Суденышко сильно трясло, угрожающе скрипели переборки, в трюме что-то тяжело ухнуло. Корабль трещал по швам, но демонстрировал чудеса живучести на радость экипажу – группе заросших мужчин, отчаянно чертыхавшихся, когда борт в очередной раз подбрасывало.

Планета служила им последней надеждой. Четыре других, обнаруженных в системе безымянного красного карлика, оказались для Корпорации бесперспективны, что не сулило экипажу корабля теплого приема по возвращению. Бизнес-империя искала в космосе ресурсы, добыча которых принесла бы баснословную прибыль при наименьших вложениях. «Пустой» рейд оценивался ею по самому низкому тарифу, которого на «тверди» едва хватало на месячный минимум коммунальных услуг, но удачливые искатели вознаграждались щедро. «Ищите и обрящите» – стало негласным девизом сотен поисковых партий, алкавших призы Корпорации.

Пятая планета встречала нагромождением скал и грязно-голубоватой мглой непригодной для дыхания атмосферы, скрывающей все, что было дальше сорока метров. Пока команда устанавливала вокруг зоны посадки охранную систему, сержант подстрелил пару зверьков, неосторожно приблизившихся к кораблю.

– У, какие мы страшные, да зубастые, – сказал биолог, когда сержант притащил трофеи для анализа ДНК.

– Плотоядные, – заметил старший группы. – Не пойму только, как добычу ищут? Глаз что-то не вижу.

– Нафиг оптика в таком мареве? – пожал плечами сержант. – Тут радиолокация нужна, или что там еще бывает? Помню, на шестой бета Лиры...

– К пищевой переработке непригодны, – перебил его биолог. – Абсолютно несовместимая ДНК. Те же результаты по растительности. Флору и фауну планеты к употреблению не рекомендую. Яд.

Старший погрустнел. Планета вмиг обесценилась на 20 процентов по корпоративной шкале разработки. Величина возможного приза, который он надеялся получить, теряла на глазах нули. Старший посмотрел на планетолога. Самый молодой член группы. Первая экспедиция. Как там его? Женя? Джошуа? Да и не суть важно, поскольку в тесной компании его имя сократилось до односложного Джо. Парень в последние дни заметно нервничал, не желая возвращаться с первого же рейда «пустым». Новичкам везет? Ну-ну.

– Терраформация коммерчески невыгодна, – срезал еще 20 процентов планетолог. – Высокая сейсмическая активность. Возможна добыча газов извлечением из атмосферы, но

это так, – он безнадежно махнул рукой, – стандартные углеводороды. Но в семи километрах от места посадки сканеры засекли интересные рудные проявления. Редкоземельные, тяжелые металлы и ценные внеземельные минералы. Перспективность промышленной разработки – приблизительно 87 процентов от абсолюта. Определенной смогу сказать, когда побываю на месте.

Старший, возликовав, активировал карту и повернулся к механику: – Сложный рельеф. Вездеход пройдет?

– Больше пяти километров по местному ландшафту не гарантирую, – сказал механик. – Старичок выработал свой ресурс лет двадцать назад и разваливается на ходу. Слава экономному совету директоров! Покуда у транспорта есть колеса, да не будет он списан в утиль!

– Пять – на гарантии, еще десять – на крепком слове, – решил старший. – Выдвигаемся.

Вездехода хватило до половины обратного пути, в который полевая группа отправилась в приподнятом настроении. Поверхностная разведка на выходе рудных проявлений оправдала наивысшие ожидания экипажа. Люди оживленно болтали о том, на что можно спустить свалившийся барыш, когда машина внезапно дернулась и остановилась, выпустив черный дымок, тут же поглощенный голубой взвесью чужой атмосферы.

– Сдох окончательно, – механик с досадой ударил ладонью по капоту вездехода.

– Значит, пойдем пешком, – сказал старший и спрыгнул на поверхность.

– Это нарушение, – напомнил сержант. – Правил высадки никто не отменял. Мы должны остаться на вездеходе до прибытия помощи.

– Откуда? – поинтересовался старший. – Другого вездехода нет. Корабль приземлится здесь не может. Молчишь? То-то! Активируйте маячок. За вездеходом еще придется вернуться, если, конечно, кто-нибудь не хочет платить корпорации за утерянное имущество.

Планетолог взвалил на плечи рюкзак с образцами породы. Прикинув, что со штатной экипировкой драгоценный груз не снести, сбросил полевую аппаратуру и задумчиво взвесил на руке штатную винтовку. Ему вспомнились зубастые летуны местной фауны. Но, поразмыслив с секунду, он оставил оружие в вездеходе. Стрелял планетолог из рук вон плохо, а с фауной, по его разумению, справится сержант.

Мгла поглотила вездеход через пятьдесят шагов. До корабля оставалось в сто раз больше, и Пятая не обещала легкой прогулки. Люди пробирались между камней, перепрыгивали через трещины, взбирались на насыпи. Планетолог быстро выбился из сил, и давно бы отстал, если бы не внезапно проснувшийся страх перед чертовым туманом. Марево размывало бурые глыбы, проплывающие мимо, в леденящие душу формы, и они пугали ассоциациями с чем-то из подсознания. Из самых его глубин, где дремали образы, запечатленные генетической памятью далеких диких предков. Планетологу казалось, что за ним кто-то или что-то наблюдает. Чтобы избавиться от неприятного чувства, он уставился в спину впереди идущего. Сержант, прокладывая маршрут, обещал доставить их на борт в течение часа. А там – прощай, паранойя!

Люди не прошли и полпути, когда сержант предупреждающе вскинул руку и взял наизготовку ионную винтовку. Группа остановилась. Старший вытащил из кобуры старый армейский бластер. Биолог вооружился штатным дезинтегратором. Механик, замыкавший цепочку, расчехлил лазерный резак. Планетолог почувствовал себя глупо. Он оставил при себе только геологический молоток, которым собирался отколоть по пути еще пару образцов местных пород. В качестве оружия такой инструмент был бы хорош, наверное, только в рукопашной. – Что там? – спросил старший. Ответом на вопрос послужил искаженный туманом рык, от которого у планетолога побежали мурашки. В следующий миг перед сержантом выросла уродливая тень. Монстр, выступивший из мглы, раскрыл жуткую пасть. Сержант без раздумий всадил в нее заряд. Зверя отбросило назад.

– Ни х... себе! Биолог, что это за тварь?!

– Судя по всему, крупный наземный вид, – биолог присел у туши. – Хордовый. Хищник.

– Понятно, что не травоядный, – зло бросил механик. – Ты почему не предупредил, что тут есть крупное зверье?

– А я знал? Мы тут, бл..., биоразнообразие исследуем?!

– Защищайте фланги! – вдруг взревел сержант и прошел туман длинной очередью. – Это стая! В круг или нас сожрут поодиночке!

Планетолог заметил мелькающие в тумане тени. Марево выплонуло к людям одну, вторую, а потом сразу несколько тварей, еще и еще. Вспышки слева – заработал бластер старшего. Планетолог нашел глазами механика и биолога. Механик отбивался от двух насевших на него чудищ, яростно размахивая тяжелым резак. Биолог, не отпуская гашетку, водил стволом дезинтегратора из стороны в сторону. Планетолог выставил перед собой молоток, и тут что-то сбило его с ног. Он упал, едва не выбив лбом забрало шлема собственного скафандра. В глазах потемнело, а когда зрение восстановилось, он увидел, что над ним стоит старший, обильно поливая вокруг огнем.

– Вставай, – закричал старший. – Они утащили механика! Возьми его резак. Быстрее, бл..., у меня аккумулятор садится!

Планетолог послушно кивнул и, не решаясь встать, быстро пополз к резаку, лежащему в нескольких метрах. Серия вспышек, и перед ним рухнула одна из тварей, попавшая под удар армейского бластера. Планетолог вскрикнул от ужаса, прополз мимо и, схватив спасительный резак, вдруг понял, что шум боя становится тише.

Куда-то исчез биолог, поставивший крест на кулинарных достоинствах местной фауны. Его дезинтегратор лежал в пыли, перекушенный напополам. Где-то рядом сыпал матами сержант, перекрикивая рывканье ионной винтовки. В поле зрения планетолога попал старший. Он больше не стрелял очередями, а старался бить прицельно, одиночными. Старший берёт аккумулятор, быстро разряжающийся из-за бешеной интенсивности неожиданного боя.

Батарея бластера села, когда перед стрелком возникла очередная образина. Старший потянулся за запасным аккумулятором, но понял, что перезарядить оружие уже не успеет. Он с ненавистью бросил бластер в морду чудища. Оно отпрянуло, а потом резко подалось вперед и откусило ему голову. На осевшее тело тут же накинлось несколько зверей. Планетолог застыл, в ужасе наблюдая, как рвут на куски командира группы.

Хищников разметали выстрелы ионной винтовки, но через пару мгновений и она захлебнулась. Еще один монстр возник из тумана у сержанта за спиной. Тот, почувствовав опасность, развернулся и пальнул, опоздав на долю секунды. Зверь достал его лапой и разодрал скафандр. Человек захрипел и упал. Над умирающей жертвой завязалась драка. Звери бросались друг на друга, брызгали слюной и драли сородичей, словно запах крови приводил их в неистовство.

Планетолог лежал, боясь пошевелиться, за трупом подстреленного старшим зверя. «Сержанта не спасти, да ты бы и не смог, – вкрадчиво зашептал противный голосок в голове. – Чудо, что удалось остаться незамеченным. Беги, пока они не очухались, и рвут друг дружку глотки. Спасайся, дурачок!». Планетолог всхлипнул и, чувствуя себя подлецом, предавшим товарищей, пополз прочь.

Он поднялся на ноги, когда арену жуткого пиршества скрыла голубая пелена. Справившись с дрожью в коленях, планетолог, поминутно оглядываясь, бросился бежать в сторону корабля. Мгла больше его не пугала. Он искал в ней спасение, забыв, что завесой она осталась здесь только для него. Тот, кто одарен глазами, часто становится жертвой иллюзий. Последнюю из них планетолог потерял, когда разглядел в дымке силуэт хищника.

Один из зверей шел по пятам. Не налопался, гад...

...Человек выставил перед собой руки и зажмурился. Он успел вновь пережить свою недолгую жизнь, вспомнил самые яркие моменты и в чем-то даже покаялся. И было ему чертовски обидно умирать вот так глупо, дичью в зубах голодной инопланетной твари. А потом у человека почесался нос. Он чихнул и от неожиданности открыл глаза.

Зверь лежал у ног. Конечности монстра судорожно подергивались, из жуткой пасти шла пена. Планетолог стоял недвижим, пока тот не затих, осторожно, еще не веря своему счастью, обошел труп, пошевелил его ногой. Хищник не подавал признаков жизни. Планетолог опустил руки в пену и принялся размазывать ее по скафандру.

– А ведь биолог был прав, – бормотал он. – И раз они для нас – яд, то и мы для них тоже. Отравились, твари, человечинной. Ну ничего, Джо, теперь они будут знать, что кушать нас нельзя. Кушать нас, Джо, смертельно опасно!

Человек медленно брел по направлению к кораблю. Туземное зверье, почуяв его приближение, спешило освободить ему дорогу. Нелепое двуногое существо распространяло далеко вокруг себя запах опасности. Оно было смертельно ядовитым.

Исполнитель желаний

Бойтесь желаний – иногда они исполняются!

Капли метанового дождя падали медленно, как снежинки в безветренную рождественскую ночь за много парсек отсюда – на далекой Земле. В оранжевом свечении местной атмосферы зрелище было фантастически красивым, но люди, бредущие по поверхности крохотной планетки, не хотели его замечать. Две пары ног в тяжелых ботинках потертых скафандров месили грязь холодного мира с низкой гравитацией.

Причина появления людей в негостеприимной системе была тривиальна. В 22 веке человечество обнаружило в космосе следы сверхцивилизации, шагнувшей далеко за грани людского представления о Вселенной. На паре планет нашли руины циклопических строений, на других – загадочные артефакты неизвестного предназначения. Некоторые из них, на удивление исследователей, еще проявляли активность: объекты со строгой периодичностью испускали короткие кодированные сигналы в узком диапазоне частот. Кому, куда и зачем – оставалось тайной, поскольку расшифровать их не могли, да и координаты получателей сообщений вычислить не удавалось.

Создателей артефактов никто не видел, но их щедро одаривали именами, называя Предтечами, Странниками, Древними, Первыми, Арбитрами. Тайна сверхцивилизации бередила пытливые умы и служила причиной беспрецедентного по масштабам поискового бума. Многие считали, что она поможет ответить на главные вопросы мироздания, кто-то надеялся обрести с ее помощью рай, а администрация рассматривала Предтечей с прагматичным цинизмом – ее интересовали секреты технологий, опережавших человеческие на тысячи лет.

Одна из разведывательных групп поймала кодированный сигнал в окрестностях маленькой красной звезды вдалеке от проторенных космических трасс. Пеленг привел на окраину безымянной системы, обозначенной на звездных картах безликим цифровым кодом – на зеленоватую, холодную планету чуть больше Луны. Источник сигнала прятался за плотным покровом облаков, истекающих жидким метаном, нырнув в которые модуль сел на относительно ровном каменном плато в километре от артефакта, заставив полевую группу – двух разведчиков – добираться до конечной точки, утопая по щиколотки в вязкой грязевой жиже.

– Долго нам еще плестись? – человек, следовавший вторым, откровенно скучал.

– И почему, товарищ Перес, ты такой нетерпеливый? – ответил вопросом на вопрос человек, шагавший первым.

– Кровь у меня южная, а потому – горячая, – сказал Перес. – Это русским к слякоти и холоду не привыкать, а мне хочется солнца и тепла.

– Вот и оставался бы дома, сидел на пляже в своей Латинской Америке, коктейли попивал.

– Скучно на Земле, – ответил Перес. – Загадки разгаданы, мифы развеяны, а здесь, – он поскользнулся и сел в грязь, – новые ощущения.

– Вижу твои ощущения, – проворчал Кузьмин, остановился, сверился с навигационными приборами и воскликнул: – Прибыли! Вот он – артефакт Предтечей.

Люди стояли перед серым утесом, сбитым из неправильных, острых углов. Потоки метана заливали булыжники у основания, а сам каменный зуб – нетронут и совершенно сух, словно что-то отталкивало жидкость от его поверхности.

– Поверхность, это Орбита! – В наушниках прохрипел далекий голос, искаженный радиопомехами. – Жду доклада!

– Все нормально, Орбита, – сказал Кузьмин. – Добрались до объекта.

– Наблюдаю вас по теплосканерам, – ответили с орбиты. – Кстати, объект теплее окружающей среды на несколько градусов. Если замерзли, можете погреться.

– Спамить горазд, Орбита, – проворчал Кузьмин. – Между прочим, не смешно. Спустись сюда – в минус 180, вместе поохмим.

– Куда ему, – вмешался Перес. – Он же комнатный – простудится.

– Цыц, полевка, – сказала Орбита. – Дослужишься до моего, насидишься у пульта.

– Земля выходила на связь? – спросил Кузьмин.

– Только что сеанс завершился.

– Как дома? – спросил Кузьмин.

– Если ты о своей бывшей, то от нее ничего нет, – ответила Орбита и, помолчав, добавила. – Пора бы, Ваня, тебе успокоиться. Не нужен ты ей... Да и она тебе, если честно. Прости за откровенность.

– Не тебе решать, – сказал Кузьмин.

– Дело твое, – ответила Орбита. – А дома опять ждут конца света. В общем, все, как обычно.

– Накаркают, – вздохнул Кузьмин и уткнулся в планшет, проверяя показания приборов.

– Скажешь тоже, – сказал Перес.

– За последние триста лет конец света предрекали уже раз пятьдесят, – Кузьмин оторвался от планшета. – Чем только не пугали: астероидами, эпидемиями, войнами, супервулканами, но человечество пока даже антибиотики не берут.

– Может и нет такой силы, которая способна нас обуздать?

– Поспорил бы, но работать надо, Перес, – вздохнул Кузьмин. – Расчехляй аппаратуру, будем точные замеры проводить.

Люди сняли с себя рюкзаки, вооружились детекторами и двинулись вокруг артефакта.

– Перес? – спросил Кузьмин, когда их разделили противоположные стороны каменного зуба. – Ты не замечаешь ничего странного?

– Фиксирую рост излучения? Наша глыба вроде активировалась.

«Приветствую», – неожиданно возник в их головах бесцветный голос.

– Ты слышал, Кузьмин?!

– Слышал, – сказал Кузьмин, чувствуя, как бешено забилося сердце. Он не припоминал, чтобы артефакты шли на контакт, и странное поведение объекта его тревожило.

– Медленно отходим, – сказал Кузьмин. Люди осторожно попятились. «Приветствую», – повторил бесцветный голос.

– Блин, меня это до чертиков пугает, – процедил Перес. – А когда мне страшно, я страшно зол!

– Спокойно, коллега, – сказал Кузьмин, подумав, что и сам нуждается в спокойствии, и выдал в зенит сообщение: – Орбита, объект активизировался и установил ментальный контакт.

– Не понял, Поверхность, – прошелестел далекий голос. – Повтори.

– Объект здороваается, – сказал Кузьмин.

– Ребята, – Орбита взволновалась, – отходите к посадочному модулю.

– Не требуется, ситуация под контролем, – ответил Кузьмин, мысленно укорив себя за то, что покривил душой. Он не знал, чего ждать от объекта Предтечей – происходящее выходило за рамки стандартного сценария.

«Приветствую», – вновь возникло и погасло в головах.

– Заело? – раздраженно спросил Перес.

– Это автомат, он будет повторять, пока ему не ответят, – догадался Кузьмин и, набравшись духа, мысленно обратился к утесу: «Привет».

«Исполнить?», – спросил бесцветный голос.

– Что, черт возьми? – спросил Перес. – О чем он говорит?

– Не знаю, – сказал Кузьмин, чувствуя себя растерянным, и мысленно спросил: «Что ты исполняешь?».

«Желание. Исполнить?».

– Орбита, – выбросил в небо Кузьмин. – Вступил в контакт. Объект утверждает, что исполняет желания.

– Полевой группе немедленно отойти к месту посадки, – потребовала Орбита. – Это приказ.

– Выполняем, – сказал Кузьмин и обратился к Пересу: – Уходим.

– На самом интересном месте, – буркнул Перес. – В кои веки отыскиали космического джинна...

Как только они пошли назад, Кузьмин почувствовал невероятное облегчение, но его напарник ощущал совсем другое. Перес был зол: артефакт, найденный их группой, думалось ему, станет добычей тех, кто расположился выше по иерархической лестнице, и это несправедливо! «Исполнитель желаний, – мысленно обратился к объекту Перес, – ты меня слышишь?».

«Да», – ответил объект. – «Исполнять?».

– Перес, – погрозил пальцем Кузьмин. В толстой перчатке скафандра казалось, что он машет сарделькой. – Ты с ним говоришь?

– Я думаю, – сказал вслух Перес, а мысленно спросил: «Исполняешь любое желание?».

«Одно истинное желание расы», – возникло в головах разведчиков. – «Исполнить?».

– Хвать твою! – рявкнул на Переса Кузьмин. – Прекрати!

– Как мне запретить себе думать? – парировал Перес. – Ты сам пробовал?

– Орбита, объект утверждает, что исполняет одно желание расы, – сообщил наверх Кузьмин. – Ментальный контакт с объектом разорвать не удастся.

– Поверхность, объявляю экстренную эвакуацию с планеты, – сказала Орбита. – Модуль активирован, к взлету готов.

– Перес, быстрее, – сказал Кузьмин, ускоряя шаг, но тот остановился и схватил напарника за руку.

– Кузьмин, не спеши! – сквозь прозрачное забрало шлема было видно, как загорелись глаза Переса. – А может это шанс, представляешь? Шанс для нас, для всего человечества?

«Исполнить?».

– Зелен ты, Перес, за все человечество с кондачка решать, – Кузьмин вырвал руку.

– Тогда ты реши! Ты же старший, вот и реши! – выпалил Перес и показал в сторону объекта. – Мы его открыли! Он установил контакт с нами, а не с ними, – Перес ткнул в небо. – Мы избранные, Кузьмин, понимаешь? Мы, а не они, имеем право!

– Не имеем! – отрезал Кузьмин. – Ни я, ни, тем более, ты, раз ведешься на посулы чужих, неизвестных тебе существ! Мы не знаем, в каких целях Предтечи оставили здесь этот объект и что артефакт потребует взамен! Но любому известно: подарки с неба не сыплются!

Кузьмин зашагал прочь от артефакта.

– Стой! – закричал Перес. – Стой, или я сейчас же попрошу исполнить желание.

– Ты не посмеешь! – Кузьмин развернулся, подскочил к Пересу и схватил его за грудки. – Почему этот исполнитель желаний спрятан тут, где нет, и не было никого? Ты не подумал? Тебе ли знать, чего на самом деле желает человечество?

– Деньги, секс и рок-н-ролл! – захохотал Перес, вырвался и сделал несколько шагов назад – к артефакту. Кузьмин почувствовал, как гнев в нем сменяет паника.

– Орбита, у нас нештатная ситуация! Младший полевой группы отказывается выполнять приказ. Повторяю, младший полевой группы отказывается...

– Прекрати, – твердо произнес Перес. – Я не хочу улетать!

– Поверхность-1, – голос с орбиты, звучавший в шлеме Кузьмина, обрел стальные нотки. – Немедленно обеспечить выполнение приказа об экстренной эвакуации. Приказываю очистить сектор у артефакта от человеческого присутствия всеми доступными средствами. Как понял, Поверхность-1.

– Что молчишь, Кузьмин? – с подозрением спросил Перес. – Тебе, наверное, приказали меня убрать? Да?! Давай! Но передай, что я успею разрешить артефакту исполнить желание. Мысль пуль не остановишь!

– Понял, Орбита, – выдавил Кузьмин, вытащил оружие и сказал Пересу: – Не дури! Пошли со мной. Пожалуйста!

Перес помотал головой.

– Нельзя рисковать, – сказал Кузьмин, – Не нам такие вопросы решать.

– А кому? – спросил Перес и ткнул пальцем в небо. – Ему?

Он развернулся, сделал несколько шагов к артефакту, но потом словно споткнулся, дернулся и упал в грязную жижу, а Кузьмин с ужасом смотрел на свою руку, в которой дергался электромагнитный пистолет...

– Поверхность, я Орбита! Срочное сообщение!

– Орбита, здесь Поверхность, – ответил Кузьмин и опустил руку. Оружие стало невероятно тяжелым и словно жгло ладонь. Кузьмин спрятал его в кобуру и поднял голову к оранжевым небесам. – Приказ выполнен, Орбита. Зона у артефакта очищена.

– Бог с ним, с артефактом, Ваня! – голос с орбиты дрожал. – Земля подверглась массированной орбитальной бомбардировке! Удар нанесен самопровозглашенным Союзом независимых колоний. Почти вся поверхность планеты выжжена, колонии уничтожены ответным ударом. Это конец, Ваня...

– Это Апокалипсис, – тихо сказал Кузьмин, чувствуя, как по щеке бежит горячая слеза.

– Не понял, Ваня! Повтори!

– Апокалипсис, – сказал Кузьмин, – Очищение... Он тяжело опустился в грязь у тела Переса, мысленно взывая к артефакту, но тот молчал, возвышаясь над поверхностью чужой планеты надгробным памятником человеческой цивилизации. Лимит на желания был закончен. Джинн спрятался в бутылку, ожидая следующего визитера.

Выпей меня (Жажда)

Живой организм – одушевленная вода.

Где-то в неизвестной точке пространства.

– Прости меня, – она заплакала. – Я люблю тебя.

– Не смей плакать, – зашептал он. – Не теряй драгоценную влагу. Ради нас, ради нашего будущего, не смей плакать.

Планета «Анна»

– Отдайт коропка! – мужчина в закрытом наглухо костюме биозащиты требовательно протянул руку к стоявшей перед ним женщине в лохмотьях, в которых с трудом угадывались остатки скафандра. – Она должна пройти дезинфекция!

– Нет! – женщина тряхнула копной седых волос и прижала к груди потертый пластиковый контейнер.

– Прафила безопасности требовать полный дезинфекция биологический материал с чужих планет, – мужчина нетерпеливо затряс рукой. – Фы не слышать о прецедентах?! Фымерли...

– Не-е-ет! – Женщина сверкнула глазищами. – Не отдам!

Мужчина оторопело застыл.

– Черт фозьми! Две колоний капут из-за несоблюдений этот прафило! Мы не пустить фас на борт с грузом без дезинфекция!

– Тогда я останусь! – женщина развернулась и решительно зашагала к выходу.

– Если мы улететь, не фернуться! – закричал ей в спину дезинфектор. – Никто не пошлет корабль ф такой даль ради сумасшедшей старуха!

– Что происходит? – в камеру дезинфекции, навстречу оборванке, шагнул рослый мужчина в скафандре.

– Капитан! Глупая бабка не отдавать чертофа коропка! Нихт принимать на...

– Что у вас там, леди? – капитан перебил дезинфектора, обратившись к женщине.

– Это... Он...

– Кто? – капитан нахмурился.

– Мой любимый... То, что от него... осталось...

Женщина опустила голову, скрыв лицо волосами. Капитан увидел, как вздрогнули – раз, другой – ее худые грязные плечи. Оборванка неслышно плакала.

– Пропустите ее.

– Но, капитан! Прафила безопасности...

– Если в коробке было что-то опасное, она бы давно умерла.

– Спасибо! – оборванка вцепилась в руку заступника. Ее глаза были сухими, и капитан почувствовал себя обманутым.

– Думал, вы плачете.

– Когда-то очень давно меня научили плакать без слез.

– Простите, – капитан замялся. – Штурман покажет вам вашу каюту. Переоденьтесь, помойтесь и зайдите ко мне. Я обязан допросить вас в рамках официального расследования.

– Вы прилетели, чтобы провести расследование? – горько спросила женщина. – Я ждала вас тридцать лет...

– Сигнал дошел до ближайшей населенной планеты всего неделю назад.

– Я ни в чем вас не виню.

– Рад, что нашел взаимопонимание.

«Спасательный корвет «П-2048». Порт приписки «Арктур-24». 2429 год стандартного исчисления. Бортовое время 10.32. Запись беседы со свидетелем по делу торгового судна «Клипер»

– Вас зовут?

– Доувс. Анна Доувс, 2372 года рождения в стандартном исчислении. Старший менеджер по продажам. Единственный член экипажа торгового судна «Клипер», оставшийся в живых.

– Что случилось с «Клипером»?

– Мы возвращались в порт приписки с коммерческим грузом. «Клипер» атаковало пиратское судно у входа в точку прыжка. Мы пытались уйти, но рейдер выпустил ракеты. Одна из них достала нас, когда «Клипер» уходил в гиперпространство. Был взрыв. То, что осталось от корабля, выбросило в неизвестной точке. Я не знаю, что произошло. Видимо, взрыв повредил гипердрайв и вызвал сбой в системе навигации. Но нам определенно повезло: недалеко от точки выхода обнаружилась система с кислородной планетой в «обитаемой зоне». Почти всю оставшуюся энергию мы отдали на старт и ускорение, сокращавшее время пути до четырех с половиной недель.

– Что произошло с экипажем?

– Большая часть экипажа погибла сразу же. Точное число найдете в копии бортового журнала, которую изъяли из моей спасательной капсулы (копия приобщена к делу – прим.). Спасти удалось только тем, кто находился в уцелевших отсеках. Но лучше бы всем умереть сразу...

– Не отвлекайтесь, пожалуйста.

– Да-да, простите. Не представляла, что моя эвакуация с этой планеты будет такой... Не важно. Положение оставшейся части экипажа было критическим...

«Клипер»

В остывающем отсеке царил полумрак, который не могло разогнать призрачное, тусклое мерцание аварийных огоньков. В спертом воздухе пахло горелым пластиком, где-то, еле слышно потрескивая, искрилась проводка, кто-то тихо стонал. Анна медленно поднялась на колени, осторожно держась за стенку. Голова кружилась, но отсек больше не трясло, не уходил наружу воздух, не выли сирены, и чудом сохранялась искусственная гравитация.

Анна поползла к выходу в галерею, соединявшую грузовые и технические отсеки, размещенные в носовой и центральной части корабля, с жилыми – на корме. Через несколько метров она уперлась в холодный металл. Люк был намертво запечатан.

– Там никого нет, – сказал кто-то позади. Анна обернулась. Перед ней, пошатываясь, стоял человек в форме техника с залитым кровью лицом.

– Как? – закричала Анна. – Как?! Там Джастин!

– Там никого больше нет. Только вакуум.

– Зато мы живы! – закричал кто-то во мраке. – Живы!

– Да заткнись ты, идиот! – гаркнул человек в темноту и вновь повернулся к Анне. – Ищете Джастина?

«Запись беседы со свидетелем по делу торгового судна «Клипер»

– Кто такой Джастин?

– Джастан Дин – мой жених. Все называли его Джастиным. Он так мне и представился. «Джастин», – сказал он, и поцеловал руку.

Мы познакомились за полгода до катастрофы, когда меня только приняли в экипаж. Я была достаточно привлекательна, чтобы вскружить голову не одному мужчине, а он... Внешне он проигрывал многим: чуть выше среднего роста, милая, но ничем не примечательная мужская мордашка. Но он был галантен и обходителен, знал толк в вине, и что шептать на ушко. И он так смотрел на меня... В его зеленых глазах горел огонь.

Мой Джастин работал «совмест»-экспертом, тестировал закупаемые товары во Внеземье на совместимость с человеческой средой обитания. За несколько минут до атаки он собирался на доклад к капитану, но, к несчастью, не успел.

– Вы хотели сказать, к счастью?

– Нет, вы не ослышались...

«Клипер»

– Мой родненький! – Анна осыпала лицо Джастина поцелуями. – Мой хороший!

– Девочка моя, пожалуйста, не сейчас, – Джастин пытался отвернуться. – Я грязный. Да и человек вон смотрит.

– Ну и пусть! Пусть грязный! Пусть смотрит! Я думала, ты погиб!

Анна крепко прижалась к Джастину. Техник, который привел ее в отсек, отвернулся и, чему-то улыбаясь, побрел прочь, оставляя их наедине.

– Со мной, моя звезда, все в порядке. Но с нами всеми, думаю, дело плохо. Мы не протянем долго. У нас в запасе всего несколько дней...

«Запись беседы со свидетелем по делу торгового судна «Клипер»

– Суда класса «Клипер» имеют большую живучесть. В случае аварий системы жизнеобеспечения корабля обеспечивают экипаж всем необходимым более полугодика стандартного времени. Но торговые суда не строят с расчетом на ракетные атаки. Взрыв уничтожил половину корабля. В уцелевших отсеках было холодно, система регенерации воздуха почти не работала, а самое ужасное – вышла из строя система циркуляции и очистки воды. Через несколько суток запасы питьевой воды кончились, а потом... Люди видели галлюцинации, сходили с ума, пили импортную краску, которую мы везли на Землю, мочу... Раненые умирали, и сначала те, у кого еще оставались силы, стаскивали тела в трюм, а потом «Клипер» превратился в склеп, где вместе с мертвыми оказались погребены живые. Тогда и случился первый случай...

«Клипер»

В воздухе висел смрад от грязных и гниющих тел, с которым не справлялись генераторы воздуха. Красные маячки аварийных ламп окрашивали отсек и лежащих на полу людей в багровые тона, отчего казалось, что все залито кровью. Анна с ужасом смотрела, как в дальнем углу несколько мужчин и женщин сплелись в омерзительный змеиный клубок у тела умиравшего техника.

– Господи! Что они делают?!

Техник еще слабо дергался, бредил и хрипло просил пить, когда в его плоть впились зубы бывших товарищей по экипажу. Техник по-детски всхлипнул, потом послышалось страшное бульканье, которое сменилось чавканьем и причмокиванием. Одна из женщин, почувствовав на себе взгляд, подняла перепачканное чем-то черным лицо, и долгое мгновение смотрела на Анну, и не было в этом взгляде ничего человеческого, кроме безумия.

– Не смотри на них! – Джастин охватил ладонями покрытое грязью лицо Анны и повернул к себе. – Глянь на меня! Пожалуйста, мой лучик! Смотри на меня!

– О Боже, Джастин! – Анна уткнулась ему в плечо. – Они пьют его кровь!

– Успокойся и не привлекай к себе излишнего внимания.

– Она смотрела на меня, как на неодушевленный предмет, будто на ведро, на бутылку с водой!

– Сейчас они готовы загрызть умирающего за каплю жидкости из его тела, – сказал Джастин. – Потом – примутся за других, а рано или поздно нападут на нас. Но я знаю, как спастись...

«Запись беседы со свидетелем по делу торгового судна «Клипер»

– Джастин придумал способ... Мы бежали, когда свора обезумевших людей сжирала заживо юнгу, 15-летнего мальчишку. Он мечтал попасть на «Клипер» к отцу... Его отец, инженер, погиб при взрыве, и мальчика некому было защитить, потому что те, кто мог, подло его бросили...

«Клипер»

– Мы бросили его на съеденье! – Анну колотило в истерике. – Мы сбежали! Как мы могли?! Это жутко! Это подло! Мы должны были ему помочь!

– Как? – Джастин, сохранявший видимое спокойствие, закрыл и заблокировал переходной люк, в который несколько мгновений спустя забарабанили с другой стороны. – Мы ничем не могли ему помочь. Они сожрали бы нас вместе с ним!

– Откройте, суки! – страшно завывали за переборкой.

Джастин сделал неприличный жест в сторону люка и подмигнул Анне. – Хрен они сюда доберутся. Да! Мы обвели их вокруг пальца.

– Куда ты меня привел?!

– Моя королева! Добро пожаловать в резервный командный отсек и, по совместительству, наш временный спасательный шлюп. Нужно пересидеть тут две недели, оставшиеся до полета к планете. Я хочу назвать ее «Анна». Ты не против, любимая?

«Запись беседы со свидетелем по делу торгового судна «Клипер»

– Джастин в первый же день подсчитал, что ни один из членов экипажа не имеет шанса достичь планеты живым. Обезвоживание убило бы всех гораздо раньше выхода на спасательную орбиту. И тогда ему в голову пришел план: запереться со мной, и отдать мне свою воду.

– У него была вода?

– Ах, как много бы я отдала, если б у него была вода. Но нет, Джастин говорил о воде, которая была в нем. Человек на 60-70 процентов состоит из воды. Джастин посчитал, что в нем оставалось около 45-50 литров – достаточно, чтобы дотянуть до «Анны» одному человеку.

– Он решил извлечь воду из себя? Как?

– Мы возвращались на Землю с новыми образцами инопланетной техники. Среди них был конвертор – интересное, но весьма энергозатратное устройство, способное извлекать из материалов любое из составляющих веществ, практически мгновенно смешивать различные химические элементы. Джастин говорил, что эта машина будет очень полезна для обработки руды, создания разных, принципиально новых материалов, но, полагаю, область применения конвертера гораздо шире.

– Мы знакомы с этим типом техники. Она нашла применение на флоте.

– Но не в случае «Клипера»... Энергии на борту практически не было, а остаточного заряда в самой машине хватило бы на одну операцию.

– Немыслимо!

– Я сказала то же самое, только жестче, но он был непреклонен. Я кричала, плакала, наврала ему, что беременна. Я очень любила его, и боялась, что он сошел с ума, как остальные. Я хотела, чтобы он остался со мной, но моя ложь только укрепила его в решении...

«Клипер»

– Я не хочу включать чертов конвертор!

– Тогда мы умрем через два-три дня.

– Значит, умрем. Умрем вместе.

– Послушай, девочка моя, я не раз перепроверял расчеты. То, что я предлагаю, спасет нам жизни. Тебе и мне. Если ты сделаешь все в точности, как скажу...

– А если что-то пойдет не так?!

– Все будет хорошо! Поверь мне, любимая. В заданной программе конвертер мгновенно выделит из меня воду, и я усну, ничего не успев почувствовать. Когда придет помощь, проделай все операции в обратном порядке, и я вернусь. Мы спасемся. Включай!

– Прости меня, – она заплакала. – Я люблю тебя.

– Не смей плакать, – горячо зашептал он. – Не теряй драгоценную влагу. Ради нас, ради нашего будущего, не смей плакать. Включай, ну же!

Лицо Джастина долю секунды сохраняло любимые Анной черты, а потом осыпалось пылью. Анна прислонилась к стеклу камеры конвертора, и зарыдала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.